

Портреты счастья

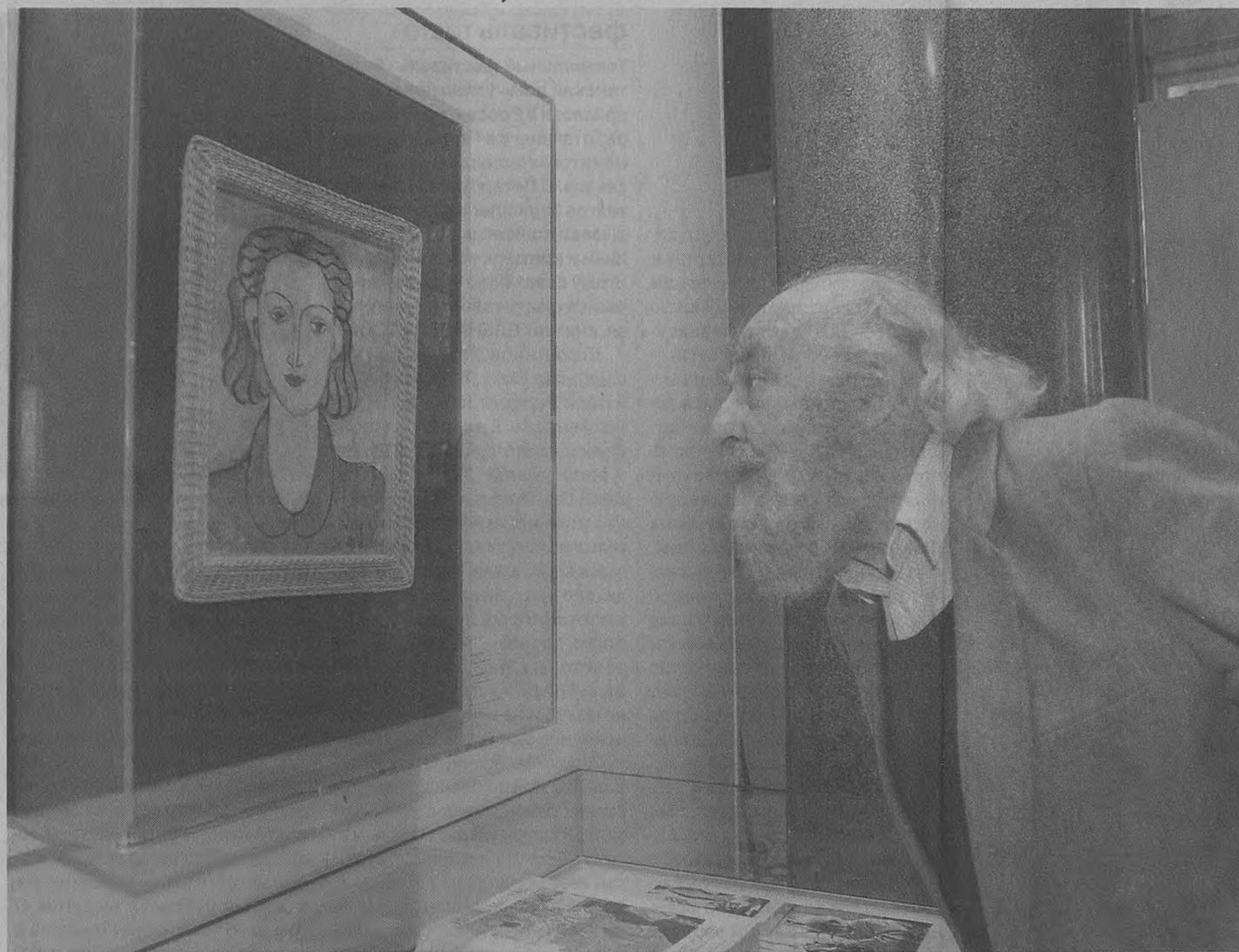
Эрмитаж вспоминает Лидию Делекторскую

выставка Матисс

В Государственном Эрмитаже открылась выставка «Дар бесценный», посвященная Лидии Делекторской (1910–1998) — живопись, рисунки, гравюры, фотографии и документы. Делекторскую часто называли музой Матисса, но сама она подобных вольностей не любила. Ей хотелось, чтобы ее помнили прежде всего через вещи, подаренные ею в русские музеи. Вещи помнят и выставляют, но не забывают и их удивительную дарительницу. Комментирует КИРА ДОЛИНИНА.

Лидия Делекторская предпочитала остаться в тени. Это ее желание не выполнили. Выставка в ГМИИ имени Пушкина несколько лет назад, нынешняя выставка в Эрмитаже — это всего лишь малая толика благодарности, которую испытывают наши музейщики к Делекторской. Пока ее еще многие помнят лично. И их воспоминания и статьи — замечательный ей памятник. Но она сама обеспечила себе действительно вечную память — каждым своим портретом, каждым росчерком, раз за разом повторяющим линии ее лица и тела, каждым ей посвящением.

История ее знакомства с Матиссом удивительна. Она тогда почти не говорила по-французски, потому что в Харбине, где она окончила школу, преподавали английский. Она ничего не понимала в искусстве, потому что мечтала стать врачом — врачом был ее покойный отец. Она настолько ничего не понимала в искусстве, что просто не знала, кто такой Матисс. Такой она появилась в его мастерской в Ницце осенью 1932 года — madame Lidya Delectorska, русская с бесправным нансеновским паспортом, за неимением лучших предложений пришедшая наниматься ассистентом к художнику. В тот момент он работал над огромным «Танцем» для Альберта Барнса и ему нужна была помощь. Когда

О бесценном даре Лидии Делекторской мог бы мечтать любой мужчина **ФОТО** АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

через полгода работа была закончена, нужда в ассистенте опала. Об «этой русской» вспомнят через несколько месяцев — когда станет ясно, что постоянно болеющая мадам Матисс не может уже обходиться без полусиделки, полукомпаньонки. Так начались 22 года Лидии Делекторской в доме Матисса.

Она была красива: высокая, статная, светло-русая, с высокими скулами, прозрачными в своей яркости голубыми глазами и роскошными ниспадающими локонами. Но это была совсем не матиссовская красо-

та — красота плотных жарких темноволосых южанок, которые до поры до времени в изобилии гостили на его полотнах. Ей было 22. Ему — 63. Это история любви? Безусловно. Это история обычной страсти пожилого мужчины к молодой женщине? Нет. И не потому, что сама Делекторская всю жизнь обходила этот вопрос стороной, а если и говорила что-то, то это было категорическим отрицанием. И не потому, что Матисс в это время был уже попросту стар — 60-летний француз первой половины XX века это вам

не расцветший на супервитаминах и калифорнийском солнце кинопейбой. И даже не потому, что до этого вообще никому не должно быть дела. А просто потому, что эта любовь и эта страсть вся в его работах и в ее о нем памяти. Они прожили вместе конец его жизни и четверть отведенного ей пути и оставили нам сотни ослепительных портретов их счастья: в живописи, в рисунке, в гравюре, в фотографии, наконец — ни на одной своей фотографии Лидия Делекторская не была так лучезарна, как когда ее снимал Ма-

тисс. «Когда мне скучно, — признавался художник, — я делаю портрет мадам Лидии, я знаю ее как какую-нибудь букву».

Жизнь Делекторской после смерти Матисса была еще более странной. Обычно вдовы и подруги начинают писать мемуары, давать интервью, кидаются в изучение творчества покойного, настаивают на своем на него влиянии и делают от одиночества еще множество глупостей. Ничего подобного Делекторская себе не позволила. Сразу после смерти любимого человека она собрала свои вещи и уш-

ла из его дома. На похороны ее не пригласили. Ее служение ему будет продолжаться там, где она была уверена — он бы одобрил.

Собирать рисунки, гравюры и книги Матисса она начала еще при его жизни. Скрупулезно отбирая, она покупала у художника вещи, которые готовила в дар России. Именно покупала, может быть, и не по «рыночной» цене, но обязательно за деньги: щепетильность ее была безмерной. Дарить себе позволяла только на Рождество — и Матисс дарил, иногда очень щедро, зная, что все это уйдет в страну, которая первой оценила его искусство. Дарительницей Лидия Делекторская была страстной, но и прагматичной. Она разделила дар между московским Музеем изобразительных искусств и ленинградским Эрмитажем, повторив тем самым логику разделивших коллекции Шукина и Морозова советских начальников, но и обеспечив оба собрания достойным продолжением этих знаменитых коллекций. Она привозила вещи сама, передавала с музейными сотрудниками, присылала по различным каналам. Она сопровождала каждую максимально подробным описанием подробностей ее создания. Она читала все, что выходило о Матиссе, всеми силами старалась помочь советским его исследователям, одаривала их чем могла, присылала книги, принимала у себя в Париже. Ее интересовало все, что происходит и будет происходить с этими работами, ведь себе она не оставила ничего, кроме сорочки Матисса, которую завещала положить в свой гроб. Ее не интересовало только память о ней — в письме к директору Эрмитажа Борису Пиотровскому Лидия Делекторская писала: «...если бы когда-нибудь было решено сделать, например, выставку книг, иллюстрированных Матиссом, я прошу прикрыть посвящение мне узенькой полоской белой же бумаги».